

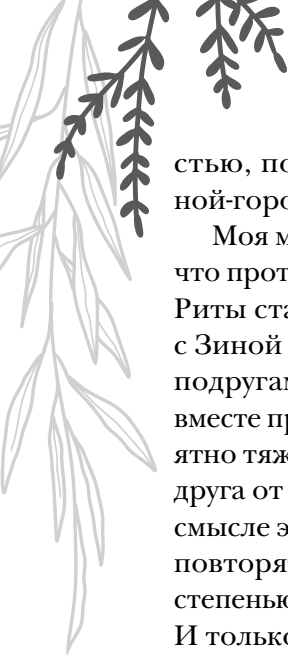

ПРЕДИСЛОВИЕ

В моей семье роман «Свидание вслепую» называют просто — «Одесса». В этой книге мне хотелось передать, в числе прочего, дух и энергию этого прекрасного города — еще того, советского, где плавилась в одном котле и гармонично уживались люди разных национальностей: русские, украинцы, евреи, молдаване, греки и румыны, создав поразительный симбиоз из своих обычаев, ритуалов, привычек, языков и характеров.

Эта книга — моя дань и преклонение перед поколением моих родителей, которые умели по-настоящему дружить, абсолютно сливаясь с понятием «за други своя».

Как же они умели дружить! Наше поколение практически растеряло это дивное свойство и способность, а они могли — вот так, полно-

стью, по-честному, вставая друг за друга стеной-горой и в радости, и в горе-беде.

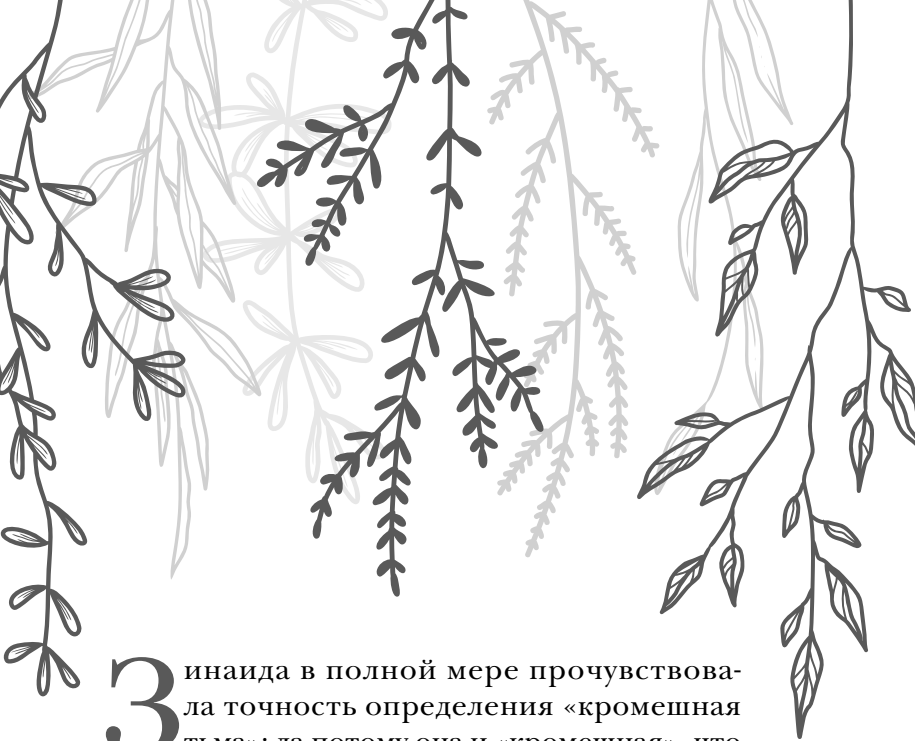
Моя мамочка очень любила эту книгу, потому что прототипом большого и шумного семейства Риты стали семьи ее близких подруг, а дружба с Зиной — это дружба моей мамочки с двумя ее подругами детства, с которыми им пришлось вместе проходить выпавшие на их жизни невероятно тяжкие испытания, порой прикрывая друг друга от смерти в самом что ни на есть прямом смысле этого слова и поступка. Мой папа любил повторять: «Степень родства определяется не степенью кровных уз, а родством душ и любовью. И только этим».

Вот так они и дружили. Нам бы всем вспомнить, как это бывает, и заново научиться так же дружить — искренне, до конца, спина к спине в бою жизненном и в крепких объятиях в радостях.

Татьяна Алюшина

*Моей большой, прекрасной, любимой семье
и, в частности, замечательным тетушкам
Октябрине Ильиничне и Марии Ильиничне
посвящается*

Зинаида в полной мере прочувствовала точность определения «кромешная тьма»: да потому она и «кромешная», что кроме тьмы этой жуткой нет ничего — вообще ничего! Первозданная темень, с которой все началось: взрыв, зарождение звезд, галактик, жизни, — и которой все и закончится... Наступит небытие!

И такой это, оказывается, «кромешный» ужас! Господи, как с этим предки-то дикие справлялись?! Оказаться в такой чудовищной темнотище, к которой ни глаз человеческий, ни организм в целом — ни привыкнуть, ни адаптироваться категорически не могут!

А еще, что самое поразительное...

Мистическим, сверхъестественным образом проснулись-всколыхнулись все задавленные, практически уничтоженные за ненадоб-

ностью комфортом цивилизации первобытные инстинкты и скрытые резервы организма, обострив мгновенно во сто крат, а может, и поболее, все органы чувств и ощущений!

Зинаида чувствовала этого мужчину всеми вот этими самыми пугающе обострившимися инстинктами. И, не видя, ощущала его в метре от себя, на расстоянии вытянутой руки — слышала его дыхание, стук сердца, впитывала запах, чувствовала тепло, исходившее от его кожи даже через одежду, и, как ей казалось, даже мысли его слышала...

— Вы меня боитесь? — тихо спросил он, не тревожа понапрасну громкостью темноту.

Она услышала недосказанное, подуманное им: боится ли она его желания, которое чувствовала всей кожей, боится возможности воспользоваться странной ситуацией или даже нападения...

— Нет, — в тон ему, тихо ответила Зинуля. — Не вас.

Они помолчали. Оба сквозь вязкость первозданной темени договаривали не словами, а чувствами и обострившимися рецепторами недосказанное.

Не его! Себя! Она боялась себя, своего странного, необъяснимого желания броситься к этому незнакомому мужику в объятия — к нему, в него, позабыв обо всем на свете, — желания, от которого звенела кожа на всем теле...

— Я тоже, — еще тише признался он.

Помолчал и пояснил:

— Не вас.

И что-то надо было немедленно — нет, еще быстрее, чем немедленно! — говорить, делать, словами, действиями, чем угодно, сбить, нарушить эту странную, неожиданную пугающе-оглушающую невероятную тягу друг к другу!

Они оба, сразу, почувствовали взаимное желание-интерес, и нечто больше простого желания-интереса, как только встретились взглядом, а когда официально здоровались, пожимая друг другу руки при знакомстве, их такшибануло молнией в ладони, что пришлось отдергивать руки и извиняюще улыбаться, изображая непонимание и испытывая обоюдную неловкость.

Но что бы там ни возникло между ними, удивив и слегка напугав, умело управлялось и загонялось куда подальше воспитанием и принятыми правилами поведения развитого социального общества. Подумаешь, кольнуло-шибануло! Подумаешь, от одного его взгляда голова закружилась — и что?!

Да ни-че-го!!!

Вот именно! Как ему, так и ей. Два совершенно незнакомых человека, встретившихся по делу, скорее всего, первый и последний раз, и мирно, благополучно расставшихся. И все правильно. Оба усиленно не придавали значения чему-то там, вроде повышенной заинтересованности, занявшись насущным деловым вопросом, из-за которого и встретились. И все.

Какие мансы?! Еще чего.

Оба прекрасно справлялись, демонстрируя хорошие манеры, умение управлять своими эмоциями... до того момента, пока не оказались в этой самой жуткой, бескомпромиссной «кромешной» тьме.

Наедине. Вдвоем. Запертыми!

Внезапно Зинуля перестала бояться — как отрезало! Себя, его, их обоюдного магнитно-непреодолимого влечения друг к другу, возможных последствий, наистрожайших запретов. Они внезапно обрели спокойное знание: в чем именно находили первобытные предки спасение от страхов первородной жуткой тьмы.

В единении!

Мужчина уловил, «считал» в ней эту перемену.

И протянул руку...

Жизнь — странная штука.

И эта ее всегда присутствующая странность пугает человечество всю его историю существования.

Непредсказуемость — самый страшный страх из всех людских страхов!

Нет, мы, конечно, заигрываем с судьбинусшкой, втайне лелея надежды, что уж если и бах-

нет она этой своей непредсказуемостью, то уж
верняк — в виде удачи, свалив на тебя счастье
немереное, неожиданное-негаданное!

А вот так вдруг — и ты в шоколаде.

Ну, бывает же так?! Бывает!

Ну, чтоб ни хрена не делать, всяческих трудностей, испытаний, потерь, лишений не проходить. Миновать, так сказать, стадию подхода: за тридевять земель не шастать, железных сапог не истаптывать, хлебом черствым не давиться, а — бац...

И сча-а-астье!

Скажем, богатство на голову свалилось, или там — принц на коне, и он тебя одну всю-то жизнь искал и любил — вот приехал, из навозу достал, помыл-накормил и приголубил. Или там, принцесса к Емеле на печь — прыг! — и «люблю-не могу, и полцарства в придачу, а ты лежи-лежи, милый»!

Да, лелеем, лелеем такие мечты втихаря, а чо! Я ж вон какой хороший — заслужил!

Но подгаживает одно: что ни сказка, что ни история из жизни, что ни книжка какая захудалая, а все без бития жизненного, лишений и трудностей всяческих не обходится. И все вокруг твердят — а ты потерпи! И золото с неба не сыпется. Вот же гадость в чем...

А та-а-ак — нет. Так мы не согласные! Так мы не хотим, спасибо.

И с детским жгучим любопытством, замирая, слушаем рассказы, что у кого-то тако-о-о-е произошло! После всяческих тревог, ужасов

и испытаний, уж такое счастье небывалое на него свалилось — по сей день счастлив и благоденствует. И радуемся, как дети, потаенно, в душе, что случилось это не со мной, а с каким-то неизвестным Васей, а мне такое счастье и подавно не нать! Слава богу, что пронесло мимо! Я лучше здесь, в тишке отсижусь, зато без тревог и волнений. И посмеиваемся с гордостью отстраненного наблюдателя: «Ну и дурак этот Вася, что вдряпался во все это! Вон ему как жизнь наподдавала! А я молодец, аккуратный, в истории не попадаю. И поговорочка дурацкая: «Не было бы счастья, да несчастье помогло» — это не про меня!»

А все-таки завидуем конечному результату приключений того самого Васи и надежду тайную сохраняем: а вдруг Боженька мне полный короб счастья-то отвалит — просто так!

Как в том старом анекдоте:

— Ты хотя бы билет купил! — возмутился Господь, уставший от бесконечных молитв и просьб старого еврея о большом выигрыше в лотерею.

А судьбинushка на все это тихо посмеивается, продолжает выкидывать свои кренделя, мало интересуясь нашими планами, желаниями и страхами.

Зиночка Ковальчук родилась в очень правильной, крепкой, полноценной семье, с правильными родителями, бабушками-дедушками, с правильными общественно-социальными устоями. И вся ее жизнь просматривалась, от рождения и до заката — прямолинейно, как Восточно-Сибирская магистраль со станциями-этапами становления: школа, институт, работа, замужество, двое детей и еще работа — есенно, все правильное до тошноты. А потом — пенсия, внуки, шесть соток, счастье тихого огородничества, почетная старость в кругу родных и близких.

Красота несказанная!

Добротно, прямолинейно, с неизменной уважухой и почтением окружающих за суперправильность общественного поведения и бытия. Такое вот полотно жизни в серо-белых тонах, без узелков и вкраплений.

Ну что поделаешь: в такое время она родилась, когда перспективы хорошей жизни раскладывались в стандартный ряд, и ее папа и мама, как всякие любящие родители, желали дочери только самого лучшего: жизнь без изломов, потерь и потрясений — счастья, одним словом.

Тогда счастье и стабильность виделись именно так: высшее образование, да по барабану — какое, главное — высшее, лучше — не сильно напряженное, инженер, скажем, учитель, переводчик. Работа, само собой, как эквивалент стабильности и пятнадцати-двадцати-

тилетней очереди на получение личной жилплощади, семья, дети. А что еще?!

Все как у всех.

— Ха! — хмыкнула судьбинушка. — Щас-с-с!

У нее имелись свои планы на жизнь Зиночки Ковальчук и разнообразие оной жизни.

Первые семь младенческих лет Зиночка прожила, как и ожидалось от нее, очень правильной, спокойной, послушной девочкой, четко зная, как хорошо себя надо вести, не имела поводов к каким-либо конфликтам, в нормальной и любящей семье. «Спокойная, уравновешенная, послушная, с большими способностями к учебе, усидчивая, добрая, неконфликтная... и так далее» — с такой характеристикой она перекочевала из садика в школу, порадовав необычайно учителей всем вышеперечисленным.

Чем не идеал?

Вот вы бы не мечтали, чтоб ваш ребенок был уравновешенным, неконфликтным, спокойным, очень умненьким, не создающим никаких трудностей и проблем? Ну, вот и они, Зиночкины родители и учителя, радовались.

Ну-ну...

Зиночка замечательно (а как же еще!) училась в первом классе, как вдруг в их семье случился переезд. История со сложным обменом-разменом жилплощади всей родни — двух бабушек-дедушек, и квартиры, в которой жила Зиночка с родителями, — длилась долго, больше года.

Это не как сейчас вам: захотел — так на, пожалуйста! В любом риелторском агентстве подберут варианты, расселят в кратчайшие сроки, были бы деньги, квартиры и желание. А в те замшелые советские времена, когда всякое жилье находилось во владении одного хозяина, именуемого государством, за любыми пертурбациями с данной собственностью оно следило зорко и не очень-то поощряло. Найти подходящий вариант обмена, а главное — осуществить его было не просто делом нелегким, но приближавшимся к устойчивой невозможности. Однако законопослушная Зиночкина родня с убеждением: «Имеем право и необходимость» — долго и упорно занималась испортившим всех москвичей вопросом, старательно подбирая варианты и терпеливо обходя все инстанции.

Исходный посыл сложностей, созданных самими же обменивающимися сторонами, заключался в том, что оба родителя Зинули работали в центре, и добираться каждый день из спального района, где они проживали, на место трудовой деятельности было нелегко и отнимало кучу времени, не добавляя радости к «светлым» будням.

Мама Зиночки, Светлана Николаевна, личность целеустремленная, упорная, уж если ставила перед собой какую-то задачу, то, как правило, добивалась желаемого результата, а папа и бабушки-дедушки за ней подтягивались, помогая и поддерживая. Посему, взявшись за обмен, мама своего добилась.

Но Зиночку проблемы взрослых не касались и не волновали, ее задача была — учиться, что она с успехом и делала.

А тут — переезд!

Весело! Интересно! Она ехала в грузовике и держала на коленках цветочный горшок со скрученной в моток длиннющей лианой, выполняя ответственное поручение.

И смотрела из окошка их новой квартиры, исполняя просьбу взрослых не мешаться под ногами, уткнувшись носом в стекло, как у подъезда из машины дядьки выгружают их вещи, и радовалась всему новому, и совсем чуть-чуть грустила, что пришлось расстаться со школьными друзьями.

Уже послезавтра, в понедельник, ей надо было идти совсем в другую школу. И теперь она будет учиться в этой новой для нее школе, которая находится недалеко от их дома, по новому, неизвестному ей пока «месту прописки».

А мама все вздыхала вечером на кухне:

— Сорвали ребенка посреди учебного года, она только к коллективу начала привыкать!

— Ничего, Свет, — успокаивал папа, — и к этому привыкнет, адаптируется. Зато — центр, и квартира большая, как мы хотели!

Ну, не «центр-центр-центр» — Кремля из окошка не видно, но все-таки центр — рядом с Садовым кольцом, работой родителей и жильем маминых родителей, Зинулиных бабушки и дедушки.

— Да, Ген, ты прав! — веселела мама. — Сколько нервов потрачено и денег, но ведь не зря! Квартира замечательная — большая, просторная, а потолки! И родители рядом. И школа Зиночкина. Она умница, она со всеми уживется, и учиться хорошо будет, и подружек найдет. Да, Зиночка?

И Зиночка кивала, соглашаясь, обещая и учиться, и дружить, как ожидали от нее родители, а мама гладила ее умиленно по головке и целовала в макушку.

Ой, знала бы мама, что накликала на Зиночкину, а по ходу, и на их с папой головы...

В исторический понедельник, судьбоносный во всех глобальных жизненных масштабах для Зиночки, даже не подозревавшей о значимости наступающего момента, мама отвела ее в новую школу, передала с рук на руки учительнице и, напоследок поцеловав любимое чадо, ушла на работу.

Зинулю, по такому случаю одетую в форму, наглаженную с особой тщательностью, в новые колготки и туфельки, с туго заплетенными косичками в огромных бантах, новая учительница, Антонина Михайловна, поставила возле себя перед классом и представила:

— Дети, это наша новая ученица, Зиночка Ковальчук. Она переехала из другого района

и теперь будет учиться с вами. Помогите ей освоиться, подружитесь. А теперь давайте все с ней поздороваемся!

И продирижировала на счет «три» нестройное детское:

— Зра-а-аствуй!

— Молодцы! — похвалила неудавшееся хоровое чтение Антонина Михайловна. — Зиночка, садись за вторую парту, с Риточкой Ковалевой.

По классу ветерком пронеслось шепотливое «ой!» и следовавшее за этим множественное хихиканье в кулачки.

— Тихо, дети! — негрозно призвала к порядку учительница.

Собственно, выбора свободных мест имелось немного — пустая парта на галерке в левом ряду, одно пустое место в правом, тоже галерочном — рядом с толстым мальчиком, и то, куда указала Зиночке учительница, — вторая парта в центральном ряду, возле маленькой хуленькой девочки.

Учительница почему-то сочувственно вздохнула и мягко подтолкнула Зиночку вперед ладонью в худосочную спинку к предназначенному месту. А дети смотрели на новенькую с откровенной жалостью, пока она усаживалась, доставала из портфельчика тетрадки, учебники, ручки, карандашики.

— Здравствуй! — поздоровалась ее соседка по парте. — Меня зовут Рита. Рита Ковалева.

— Здравствуй! — ответила хорошо воспитанная правильная девочка Зина. — А меня — Зина Ковальчук.

— Давай дружить! — с ходу предложила Рита Ковалева.

И улыбнулась!

И эта ее удивительная чудесная улыбка озаорила весь класс, как солнышко, все помещение — парты, стулья, классную доску, детей, учительницу!

Девочка Рита была миниатюрной, как эльф, с очень белой, светящейся кожей, с веснушками на носу, с огромными, карими, искрящимися, совершенно невероятными глазами, с кучерявыми черными волосами, заплетенными в толстую косу, заканчивающуюся пышным бантом, и чарующей улыбкой. Зиночка тоже была совсем маленькой и миниатюрной — как эльф номер два, но светленький. Она улыбнулась в ответ и сразу согласилась:

— Давай! Давай дружить!

— Охо-хо! — услышала она тяжкий вздох Антонины Михайловны и, оторвавшись от созерцания новой подруги, повернулась к учительнице.

Оказалось, что весь класс и Антонина Михайловна, все вместе, затаив дыхание наблюдали за процессом знакомства девчонок. И смотрели как-то очень сочувственно — в основном на Зиночку. А у некоторых детей во взглядах стоял настоящий страх!

— Ну, ладно! — хлопнув ладонью по столу, оборвала обмен взглядами учительница. — Приступим к уроку!

Все эти жалостливые вздохи Антонины Михайловны, смешки, ойканья и хихикания одноклассников стали трагически понятны и ясны Зиночке в тот же день.

Маргарита Ковалева являла собой центр притяжения всех, каких только возможно и невозможно, невезений, неприятностей и разрушений. Причем достававшихся ни в коем случае не ей самой, а всем, кого угораздило оказаться рядом, всем, кто не успел унести вовремя ноги куда подальше. Самый наилучший и предпочтительный вариант — за горизонт: в другую школу, район, город, жизнь, в другое измерение!

Неприятности и напасти разного рода, которые аккумулировала вокруг себя девочка Рита, имели большую разрушительную силу и даже, как показала потом жизнь, носили порой глобальный характер, вплоть до вмешательства всяческих служб спасения. Но в полной мере поняла и прочувствовала это Зиночка потом, по нарастающей, по мере взросления стихийного ужаса под названием «Маргарита Аркадьевна Ковалева».

Пока шли уроки и короткие перемены между ними, ничто, как говорится, не предвещало. Разве что настораживало странное поведение новоявленных одноклассников, обходивших Зину стороной, не торопившихся общаться

и знакомиться с ней, как призывала Антонина Михайловна. Риточка на переменки не выходила, оставалась сидеть за партой. Озарив Зиночку своей солнечной улыбкой, она сказала:

— Ты иди, познакомься там со всеми. Побегай, а я лучше посижу.

Зиночка, конечно, удивилась, но спорить и уговаривать не стала.

Оказалось — так оно было и лучше. Ой, как было лучше, когда Рита вот так сидела себе мирно за партой и не двигалась!

Все прояснилось окончательно и бесповоротно на большой перемене, когда Антонина Михайловна повела весь класс в столовую на полдник. Первой странностью, удивившей Зиночку, стало их с Риточкой полное одиночество за длинным столом. Все дети и учителя, находившиеся в столовой, предпочли рассесться за другими столами, плотными рядками, изрядно потеснив друг друга.

«Они почему-то не хотят с Риточкой дружить?» — подумала добрая девочка Зиночка.

Ну и пусть! Они не хотят, а она будет. Она с ней уже дружит, она слово дала. Вот!

На этом рассуждения правильного, честного и доброго ребенка были прерваны вступившей в действие основной жизненной миссией Риточки Ковалевой — нести неприятности всем, вовремя не увернувшемуся!

— А ты где живешь? На какой улице? — спросила Риточка и потянулась за своим пирожком.

Заметьте — лежавшим на тарелочке, стоящей прямо напротив нее.

Но!

Задавая вопрос, Риточка сделала уточняющий жест ручкой и задела стакан с компотом, который не замедлил упасть, выплеснув в лицо Зиночке розовую жидкость, подразумевавшую некоторое содержание клюквы.

— Ой! Извини! — расстроилась необычайно Рита. Она предприняла попытку исправить содеянное и достала салфетку из подставки, которая стояла на столе в комплекте с солонкой и перчатницей. Надо сказать, салфетки в советское время в местах общественного питания, включая и школьные столовые, нарезались малюсенькими треугольничками и имели наитончайшую структуру, что не позволяло им никоим образом исполнять свою основную гигиеническую задачу.

Первая эфирно-салфеточная субстанция скаталась на Зиночкином мокром личике ручкой и куда-то исчезла. Риточка повывергивала еще несколько салфеточных огрызков, не прекращая попыток помочь.

— Да ничего, — успокаивала новую подругу Зиночка. — Я сама.

И, по детской наивности, помня правила хорошего поведения и взрослых, и детей, мимолетно удивилась, почему ни учительница Антонина Михайловна, ни уборщица столовой — никто — не проявили особого внимания к случившейся с ученицей неприятности и не поспешили на помощь.

Ну, да и ладно!

Она обнаружила, что скрутившиеся в рулики салфеточные треугольники закатились за ворот формы и теперь неприятно липли к телу под одеждой.

Доставать их на глазах у всех, внимательно наблюдавших суету за их столом, было неудобно, и Зиночка решила, что она сходит в туалет и там все достанет потом.

Знало бы бедное дитя, что будет потом!

Которое не заставило себя ждать...

— Ну, вроде все! — осмотрев дело рук своих, порадовалась Ритуля.

Она подкрепила свои слова взмахом ладошек, на излете которого зацепила теперь уже Зиновичкин стакан с компотом, поспешивший упасть, пролив содержимое прямехонько за отворот форменного фартука Зинаиды. Клюквенная красота мгновенно просочилась через одежду, как через промокашку, аж до самых трусишек, под наступившее полное молчание в помещении столовой.

— Ой! — еще раз расстроилась Риточка, приступив к новой спасательной операции. — Снимай фартук, скорее, пока не промок!

И поспешила расстегнуть пуговицу на пояске Зиновичкиного фартучка. Пуговка никак не поддавалась, Риточка дернула, пуговка улетела куда-то под стол, а ляжка фартучка с треском оторвалась.

— Девочки, я думаю, вам надо пойти домой и там исправить нанесенный Зиновичке ущерб, —

спокойно предложила Антонина Михайловна, подойдя к ним, но держась на безопасном, метра полтора, расстоянии от их стола.

— Да, да! — почему-то сильно обрадовалась Риточка. — Мы сейчас пойдем домой и все исправим!

Идти домой Зиночка не могла: во-первых, она еще не знала дороги, а во-вторых, ее должна была забрать из школы бабушка, девочке строго-настрога запретили покидать школу одной, и уж тем более — с посторонними. А Зиночка — девочка послушная и правильная.

— Да ты не бойся! — улыбалась Риточка, прочтя, как с листа, все сомнения подружки на ее лице. — Мы пойдем ко мне домой, и моя бабушка все исправит! Мы тут совсем рядом живем, сразу за школой, через один дом. И дорогу никакую переходить не надо. И Антонина Михайловна разрешает!

Зиночка с сомнением посмотрела на учительницу: как это она разрешает такое безобразие — ходить без приглашения, без родителей в гости к чужим людям?

— Да, да, Зиночка, я разрешаю. Я из окна прослежу, как вы дойдете, из окна виден весь путь и Риточкин подъезд, — устало и как-то печально-торопливо завершила девочку учительница.

Значит, так, на этом ничего не закончилось!

В гардеробе Риточка, переодевая сменку, покачнулась и ухватилась для равновесия за первое, что попало под руку. Попала под ее

руку Зиночкина косичка и Рита пребольно ее дернула, вырвав из косицы бант и несколько волосинок.

Ежесекундно извиняясь, тархтя без остановки, обещая все-все исправить, Риточка изо всех сил старалась загладить уже нанесенный ущерб. Она почему-то взялась застегивать курточку на новой подружке, да так резко дернула застежку-молнию вверх, что защемила кожу под подбородком не успевшей отдернуть голову Зины.

Молнию расцепили, подбородок высвободили, Ритуля чуть не плакала от огорчения, Зина стоически молчала.

По дороге Рита продолжила изливать поток извинительных речей и, не глядя, куда ступает, все забежала вперед, заглядывая Зиночке в глаза. Да так скакнула, не заметив лужу, козой шалопутной, что грязная весенняя жижа с удовольствием обдала новые беленькие Зиночкины колготки...

К тому моменту, когда девочки наконец оказались перед дверью квартиры, в которой проживала с родными Рита, Зина являла собой наглядный экспонат побывавшего в катастрофе ребенка — мокрая до трусиков, в подранном, перекособочившемся на один бок фартуке, с развязанным, свисающим, забрызганным черт-те чем бантом на одной косичке и полным отсутствием второго на распутившихся волосах, с наливающейся синевой царапиной под подбородком, в изгвазданных грязищей

белых колготках и сапожках и в куртке, карман которой был оторван с мясом, когда за него ухватилась Риточка, споткнувшись обо что-то у самого подъезда.

А Маргарита Ковалева сияла чистотой нетронутого одеяния, накрахмаленными, без единой лишней складочки бантами, начищенными до блеска сапожками и ослепительной улыбкой!

Ей не перепало ни единой компотной капли и ни единой капли из грязной лужи, ее никто не дергал, не застегивал, не вытирал салфетками, не теребил, за косы и карманы не хватал! Как отправили ребенка поутру в школу, таким же чистым и аккуратно-опрятным он и вернулся домой.

Дверь распахнулась, и остатки мыслительного процесса Зины Ковальчук, каким-то чудом не угробленные пока шоком от «общения» с новой подругой, были окончательно и победно уконтрапуплены невероятным зрелищем — пред ней предстала большая, монументальная, как Родина-мать, женщина! Большая — в смысле высокая-широкая, особенно по меркам малюсенькой Зины. Верхняя и нижняя части тела женщины потрясли необъятной широкомасштабностью, а между ними имелась талия, такая талия-талиа, тоже необъятная, но не терявшаяся в объемах.

Зинуля впала в благоговейный ступор, раскрыв рот и уставившись во все глазенки на дивное видение. Пожалуй, если бы она узрела

ежика, делающего сальто, это зрелище привело бы ее в го-о-ораздо меньшую — особенно на фоне сегодняшних событий — в никакую, нулевую, стадию обалдения!

— Лева! — спокойно и громко прокричала женщина, обзревая Зиночку с ног до головы. — Риточка привела новую потерпевшую! Проходите, девочки!

Так и не захлопнув рот Зинулю, неотрывно рассматривающую крупноуважаемую «Родину-мать», втащили в прихожую, в которой тем временем образовался не менее колоритный персонаж — высокий, худой мужчина, с седыми длинными кучеряшками, растущими во все стороны от круглой, правильной формы, лысинки на голове.

— Що у нас тут, Симочка? — весело поинтересовался мужчина.

Зина, повернув голову, посмотрела на него, вдруг почему-то подумала, что ее сейчас начнут готовить и есть, как в самых страшных сказках!

— Лева! — попеняла женщина. — Ты таки напугал ребенка!

— Зиночка! — затараторила Рита. — Ты не пугайся, это мои бабушка и дедушка, они сейчас все-все исправят!

Перепуганная, ничего уже не соображающая Зиночка кивнула, переводя затравленный взгляд с бабушки на дедушку, и почему-то выдавила из себя писклявым фальцетом:

— Не-е здрасте...

Она хотела поздороваться по-настоящему, как и положено воспитанным правильным девочкам, честно-честно! Она и предположить не могла, и знать не знала, что можно так взять и сказать вообще: «Не здрасте!» Да никто так не говорит, это совсем уж неправильно, и почему так скакнуло с языка...

У Зиночки стали наворачиваться слезы на глаза.

— Симочка, я так понимаю, що ми имеем особо тяжелый случай! — разволновался мужчина, видя Зиночкины мучения.

— Да уж, Лева! Що ми имеем — таки ми имеем у весь профиль! Риточка, ты що сделала с ребенком?! — сурово вопрошала у внучки бабушка.

— Это моя подруга! — защищалась Риточка, по ходу объявляя и громкий статус, присвоенный Зиночке. — Навсегда! Она — сама лучшая девочка в мире!

— Перспективка, скажу я тебе, моя дорогая, не из самых приятных для этой девочки! — остудила красноречие внучки бабушка и совсем другим голосом, нежно-задушевным, взяв Зиночку за ладошку, заговорила с ней:

— Идем, маленькая, все будет хорошо. Сейчас мы тебя умоем, причешем, все вещи починим, постираем и накормим пирогом.

И Зиночка сразу передумала плакать, пугаться и расстраиваться, поверив всем обещаниям этой женщины. Ее раздели, помыли под душем, укутали в смешной махровый халатик

(наверное, Риточкин), усадили за большой круглый стол на кухне, подальше от претендующей на роль подруги до скорого, с такими темпами, гроба Риточки, и накормили вкусным-превкусным пирогом с малиновой начинкой. А еще — напоили чаем с лимоном и сахаром. И так ей стало спокойно, легко и радостно, словно она попала в дом родной.

— Зиночка, ты знаешь свой домашний адрес и телефон? — спросила бабушка со странным именем Сима.

Она сидела рядом с Зиной на стуле, надев очки на самый кончик носа — так смешно! — и зашивала карман ее курточки.

— Надо позвонить твоим родителям: сообщить, что с тобой все в полном порядке, чтобы они не волновались, — пояснила она.

Как все правильные дети, Зиночка знала свой адрес и телефон наизусть. Но поскольку они только что переехали, мама положила ей в портфель записку со всеми координатами, а также рабочими телефонами родителей и ближайших бабушки и дедушки, на всякий случай. Как оказалось, не замедливший случиться в первый же день учебы в новой школе.

Риточкина бабушка дозвонилась до Зиной бабушки, деликатно объяснила ей ситуацию, продиктовала свой адрес и телефон и, быстро ликвидировав последствия всех катастроф, исправила и неприятное впечатление от сегодняшнего дня.

— А что, Зиночка, ты в классе новенькая? — спросил дедушка Лева, ласково улыбаясь девочке.

— Да, — кивнула та, принимаясь за второй кусок пирога, — сегодня пришла первый раз.

— Понятно! — вздохнул дедушка Лева. — Про Риточкины, скажем так, специфические способности знает уся школа, а тебя, детка, выходит, не предупредили?

— Нет, — призналась Зиночка и твердо заявила: — Риточка — моя подруга, что ж теперь!

— Охо-хо! — посетовала на столь опрометчивое заявление бабушка Сима и мягко предупредила: — Не спешила бы ты с дружбой, деточка. Риточка — хорошая и добрая девочка, но...

На следующий день, во вторник, еще более эпохальный и значимый для Зинули, как выяснилось, чем предыдущий, можно сказать, «черный понедельник», когда она вошла в класс... На нее смотрели в немом ожидании все — и одноклассники, и учительница Антонина Михайловна. Повисла такая напряженная тишина, что было слышно, как за стенкой, в соседнем помещении, учитель начал урок. Зинуля очень хорошо понимала, чего от нее ждут — решения, вот чего!

Накануне вечером родители и оба набора бабушек-дедушек, рассевшись за столом на кухне, призвали ребенка для серьезного разговора. Бабушка, мамина мама, которая забирала Зинулю из дома Риточки, в подробностях описала, что произошло с внучкой, не забыв упомянуть, что семья той девочки потери старательно исправила и компенсировала.

— Надо отдать должное порядочным людям, — заметила бабушка с большим сочувствием в голосе, — они честно рассказали о трудной участи внучки, имеющей такой недостаток, как притягивание всяческих несчастий и напастей на головы приближающихся к ней людей. Бедный ребенок!

— Зиночка, ты понимаешь, что дружить с этой девочкой просто опасно? — строго спросила мама.

— Доченька, мы понимаем, как это некрасиво и, наверное, неправильно — отказаться с ней дружить, — подхватил папа, — но даже ее родные признают, что девочка, сама не понимая и не желая того, наносит всяческий вред окружающим, вплоть до физических травм! Что мы, кстати, наблюдаем в виде синячиц у тебя под подбородком! Стоит прислушаться к взрослым и держаться от этой Риточки как можно дальше! И уж тем более ни в коем случае не дружить с ней!

— Категорически! — вставил дедушка, папин папа, подкрепив требование хлопаньем ладони по столу.

— И ничего в этом нет нечестного и несправедливого, — вступила в воспитательный процесс бабушка — мамина мама, — тем более вы еще даже толком и не подружились! Всего-то один день знакомы!

— И уже такие напасти и несчастья на тебя! — дедушка — мамин папа — тоже не задержался с высказыванием.

— Нет-нет! Не надо с ней дружить, ни в коем случае, и немедленно пересесть за другую парту! — подала голос бабушка — папина мама (ну, а как же! Все ж участвуют!). — Найди другую подружку!

— Но я уже с ней дружу, — возразила Зинуля. — Она хорошая девочка!

— Никто и не спорит, хорошая, — согласилась мама.

— Но опасная! — повысила голос бабушка — мамина мама — и втихаря, чтоб не заметили, перекрестилась.

В тот момент, растянувшийся, как показалось маленькой Зиночке, до бесконечности, когда весь класс и учительница смотрели на нее в ожидании — какой выбор она сделает, все, кроме Риты — Риточка склонилась к парте низко-низко головку, — Зинуля вспомнила все бесконечные требования, пояснения-наставления родственников и поняла, что ничего не боится.

Вообще!

Вариантов имелось в наличии три: направо — на галерку, к Лешке Соколову, налево — на

галерку сидеть за партой одной и самый невозможный — прямо к Рите!

Маленькая семилетняя Зиночка, гордо вскинув голову, расправила худенькие плечики, твердой походкой прошествовала через класс и села рядом с Риточкой.

Девочке было все равно — правильно она делает или неправильно, что скажут взрослые и подумают одноклассники и учительница, и будут ли ее ругать родители и сторониться дети, и какие возымеет последствия это ее решение!

Зиночка не боялась оказаться неправой, осужденной, наказанной, потому что в тот момент она была абсолютно свободна и чувствовала вкус этой свободы!

И, между прочим, первый раз в жизни проявила имевшийся у нее в полном боевом наличии железный характер.

Села за парту с Ритой, раз и навсегда — до конца школы, и на всю жизнь, тем самым кардинально и бесповоротно изменив свою судьбу.

Через месяц Зинуля научилась предугадывать и предотвращать неприятности и несчастные случаи, от мелких до весьма серьезных, сыпавшиеся на нее в изобилии по милости подруги. Правда, для этого пришлось выработать целую тактику хотя бы относительной безопасности, совместно с Ритулиными родственниками, регулярно посещая ее милых бабушку и дедушку для ликвидации последствий.

Ну, и потерпеть, само собой!

А еще — отстоять принятое решение в своей семье, обнаружившей тот поразивший их до глубины души факт, что их маленькая, хрупкая, тихая-послужная девочка имеет силу воли и характер такой твердости, что им можно гвозди забивать.

Несколько дней подряд они всем составом уговаривали свое чадо, грозились принять меры, перевести в другую школу, наказывали лишением сладкого и похода в кино, снова настойчиво уговаривали, когда дите приходило с очередным ушибом или синяком, даже плакали, но...

Смирившись, тягостно-безысходно повздыхав, пошли знакомиться с Риточкиной родней и принимать участие в выработывании тактики и методов профилактики Зиночкиного «непопадания под раздачу».

А куда деваться! В связи с фатальностью ситуации становилось ясно, что тесных и постоянных контактов двум семьям не избежать, мало ли в какие неприятности и беды втянет девчонок Риточкино глобально распространяемое невезение.

Основной причиной шквала несчастных происшествий на головы и остальные части тела оказавшихся рядом с Риточкой людей являлась ее неумная страсть к энергичной жестикуляции во время произнесения любых слов.

Светлана Николаевна, мама Зиночки, придумала гениальный ход — предложила поло-

жить в оба кармашка форменного школьного фартука и во все остальные карманы одежды Риты по несколько стеклянных шариков и внушить ей — как только тебя потянет махать руками, перебирай шарики! Придумок и предложений выдвигалось множество, но прижилась только эта, остальные профилактические действия Зинуля предпринимала в дальнейшей жизни уже сама.

А на первых порах, как только Риточка начинала движение кистями рук, вне зависимости от того, где они находились и что происходило вокруг, маленькой Зинуле, научившейся зорко следить за подругой, приходилось кричать:

— Шарики!

И так — по тысячу раз в день!

Но вскорости, где-то через полгода, напоминать уже не приходилось: Рита выработала привычку и сама помнила о профилактике.

Вот так и началась их дружба и жизнь вместе.

А что?

Живут же люди возле действующих вулканов — и ничего! Не жалуются, и, по слухам, хорошо им, в тепле и радости!

Дружба девчонок изменила не только их самих, но и жизнь обоих семейств. Риточкины родные души в Зинуле не чаяли, испытывая глубочайшую благодарность, очень быстро переросшую в любовь, и сроднились с ней и ее близкими. Они прекрасно отдавали себе от-

чет, что Ритулю ожидала перспектива полного одиночества и вынужденной изоляции — ни друзей, ни подруг... И еще большой вопрос — как там сложится впереди с молодыми людьми и личной жизнью? Но втайне они все же лелеяли надежду и молились: «Может, пройдет, перерастет со временем?»

Не переросло. Не рассосалось, а крепчалو по мере взросления, принимая гораздо более разрушительные масштабы, что ни в коей мере не мешало Ритке жить вполне даже благополучно и счастливо.

Зато им с Зинаидой не приходилось скучать ни одного дня, а вместе с ними — и всем родным, об этом и говорить нечего!

Девочки учились очень хорошо, на пятерки и редкие четверки, всегда и везде бывали вдвоем.

А как еще?!

Даже в классном журнале их фамилии, согласно алфавиту, стояли одна за другой: Зинаида Ковальчук, Маргарита Ковалева. И, как выяснилось, они были единственными на всю школу, кто имел такие имена — было бы странно, если б сложилось по-другому...

Микросоциум под названием «школа» создал вокруг них некий вакуум безопасного состояния, что имело свои бо-о-ольшие плюсы.

Ну, например, Зиночку и Риточку никогда не приглашали на массовые мероприятия, в те времена проходившие в неизмеримых количествах, а даже напрочь заранее исключали

из всех списков. Так что построение на общей школьной линейке, сбор макулатуры, политинформации и всяческие конкурсы-концерты в актовом зале, собрания пионерско-комсомольских ячеек, субботники и так далее, до бесконечности, их не касались.

Чем не жизнь! «Не кочегары мы, не плотники!»

Но в полной и окончательной мере семья Ковальчуков осознала, чего ожидать от дружки доченьки Зины с Ритой и ее семейством, после летних каникул, которые девчонки провели в Одессе.

О, это было эпохально!

Надо сказать, Риточкина семья была совершенно необыкновенной, уникальной. Ну, разве в обычной семье могла появиться такая девочка?

Мама Риты, Софья Львовна, родилась и выросла в Одессе, как родились, выросли и всю жизнь проживали там все ее предки, неизвестно в скольких поколениях, которые вели свое начало чуть ли не с основания этого города Дюком Ришелье. И в соответствии с этим все они имели привычки, характеры, темперамент и национальность местных одесских жителей — со всем вытекающим из этих обстоятельств колоритом.

Зато папа, Аркадий Петрович, являлся не менее коренным, правда, в гораздо меньшем количестве поколений, москвичом, с ярко выраженной русско-московской национальностью.

«В те далекие-далекие времена, когда Красная Армия...»

Примерно тогда, в возрасте двадцати двух годов, юношеское вдохновение и надежда на лихой отдых после успешного окончания института принесли Аркашу Ковалева в Одессу.

Выбор отдыха у моря в те времена не пестрел разнообразием: в Турцию никто не приглашал, а за попытку «пригласиться» самому маячила перспектива отправиться ровно в противоположную сторону и в сопровождении конвоя. Но кое-какой, и совсем не плохой, выбор морских курортов имелся и на территории страны.

Пятеро друзей-однокурсников, посовещавшись, решили двинуть в Одессу.

Там и случилось Аркаше на пляже узреть местную красавицу Сонечку Левинсон! Видение потрясло бледного москвича, свеженького выпускника архитектурного института, и ввергло в эротический коллапс!

Надо отдать должное вкусу юноши — впадать в шок было от чего!

Сонечка являла собой редкое зрелище небывалой экзотической красоты: фигурка, как песочные часы, с наитончайшей талией, высокой и гордо стоящей грудью четвертого размера, умопомрачительной формой бедер, плавной линией переходящих в длиннющие ножки! Добавим к полноте картины гриву кучерявых черных волос, струящихся до ягодиц, огромные шоколадные глаза, яркие губы и тонкий носик.

Представили?

Во-от! А он увидел! И парня понесло-о-о-о...

Все это дышало, двигалось, смеялось и, для полного боекомплекта, обладало юмором самой наивысшей пробы, то бишь — постоянным, непрекращающимся и искрометным.

Казалось бы: и счастья вам, дети!

Ан нет! Имелось одно труднопреодолимое «но». Видение небесной красоты, ума и юмора имело сложные, натянутые отношения между государством и пятым пунктом в паспорте в графе «национальность», а к ней — одесскую прописку и многочисленную родню. А страна в те «далекие-далекие...» проявляла настороженность и мягкую враждебность к гражданам с национальностью «еврей».

Юного Аркашу такие мелочи в борьбе за любимое белое тело не могли остановить, и уже на третий день знакомства он имел «щастье» представиться родителям и неисчислимым родственникам любимой, неосторожно объявив о своих далеко идущих матримониальных планах.

Конечно, он не был идиотом. В те «застойные» все прекрасно понимали правила выживания в стране и умело подстраивались, обходя острые углы, радостно официально улыбались и кричали на парадах и «тематических» митингах «ура!», но шушукались на кухнях...

Но мальчика таки сразила любовь! И у мальчика таки имелся характер.

Экстренным порядком из Москвы прилетели родители — спасти свое чадо. Но Сонечкины родители, пардоньте-с, тоже были грамотно сделаны в свое время их родителями и политике партии и государства разумели более чем хорошо, а уж как выживать во все времена и при любых правителях — это у них «у генах» сидит!

Так что встречу будущих «дорогих родственников» на аэродроме провели всей многочисленной родней, не дав бледным москвичам опомниться.

Старшие Ковалевы находились в состоянии, близком к инсульту, в полной панике — сыночек, единственный, холимый-лелеемый! Как говорится: «В такой прекрасный день, и такая вот фигня!»

Уж лучше бы он женился на дочери заслуженного якутского оленевода Бельдыева, получавшего несусветную зарплату, измеряемую тысячами рублей, раз в год, когда снег сойдет и он доберется до конторы, а основное время проводящего в тундре, в чуме, за полярным кругом!

Но сынок железно стоял на своем: «Люблю, женюсь!»

Родители попробовали заходец с другой стороны:

— Тогда — свадьба в Москве!

Имея тайный расчет: от подачи заявления в загс до регистрации ждать три месяца — успе-ем отговорить! Костями ляжем, а что-нибудь придумаем!

— Да ви що!

Так добродушно отвечала им Сонечкина родня, мягко усаживая за стол, потчуж фаршированной рыбкой (именно так, через «и»), фирменным борсчем (именно так, через «сче») из уточки, с пампушками, домашней наливочкой под соленья-маренья и рыбку домашне-го же засола, и это было только начало!

— Та зачем нам с вами этого надо? — подливая и подливая «у рюмочки» знатной на усю Одессу наливочки. — Що та Москва? Пильно, душно, народ-машины... То ли дело у нас! Ми такую свадьбу загремим! Опять-таки хрукты, овощи, море, а как тетя Сара готовит! Цимус! Ви такого у жисть не распробовали!

Уболтали, заболтали, затрындели все московские резоны! Не дали перехватить инициативу. А то — только пусти в ту Москву дочь, и девочка останется не при муже!

Вместо положенных трех месяцев ожидания в загсе, через Левушку Гринберга и его маму («дай бог ей здоровья!»), «вишли» на Фаину Абрамовну у горисполкоме («и ей не хватать!»), а она «спустила» приказ — и «детей» расписали через две недели.

Ото пол-Одессы гуляло!

А що бил за стол, я вам скажу!

Передаваемые с рук на руки, как эстафета, от одних родственников к другим, родители-Ковалевы, закармливаемые гостеприимством до икоты и колик, убаюканные активным отдыхом с рыбалкой, морем, шашлыка-

ми и выездами на разнообразную природу, не успели сообразить, как оказались на регистрации брака родного сына в Одесском загсе.

Мечта об альтернативном «меньшем зле» в лице дочери якутского оленевода Бельдыева растаяла призрачным дымком, тюкнув реальностью по сознанию в виде громкого «горько!» и поздравлений молодым с законным государственным разрешением на активный секс и размножение.

Серафима Моисеевна, бабушка Ритки, обладала уникальным даром рассказчицы, обогащенным умением посмеяться, прежде всего над собой, насыщенным непередаваемым одесским диалектом и красочностью описания событий. Зинуля с Риткой могли часами, открыв рот, слушать ее истории о родственниках и знакомых и обливаться слезами от хохота. А как она рассказала про эту свадьбу!

За свадебным столом, во время набирающего обороты разгуляева, одна из подруг Серафимы Моисеевны с плохо скрываемой завистью поинтересовалась:

— Симочка, а как вам таки удалось оторвать себе такое счастье: мальчика с русской фамилией и московской пропиской?

— Измором! — честно и весело призналась Серафима Моисеевна и хлопнула за «такое счастье» наливочки.

Отгуляв свадьбу, дети уехали жить в Москву. А куда? Не в Одессе же париться!

А неисчислимая родня осталась и дальше проживать на берегу Черного моря, что не помешало ей помочь молодым приобрести кооперативную квартиру в Москве. Это, кстати, мгновенно примирило московских родителей и родственников жениха с выбором невестки. А когда родилась Ритуля, путем сложных переговоров-обменов, через многочисленных знакомых и родственников знакомых, осевших в Москве одесситов, родителям Сони удалось поменять первоначальную кооперативную квартиру на гораздо большую в центре.

Одесские родственные связи, хочу вам заметить, это великая движущая сила «у во всем мире, щоб ви знали»!

Имелись у семьи и свои «стратегические» запасы на черные дни, но это отдельная история, из серии семейных преданий, которую надо рассказывать отдельно, смакуя и радуясь.

Кстати, о преданиях — первая поездка Зиночки в Одессу!

Девчонки окончили первый класс, на удивление — без телесных повреждений и особых потерь для Зинули, если не считать гибель новой школьной формы, пары сандалий и так, по мелочи: банты, гольфики, учебники и стопка тетрадок, не говоря уж про ручки, карандаши и пуговицы...

Ритулю, как водится, не зацепило вовсе.

Встал насущный вопрос о летнем времяпровождении детей. Ковальчуки собирались отправить Зинаиду на дачу к бабушке с де-

душкой, папиным родителям («прекрасные шесть соток», рядом лес, озеро — природа, одним словом), а в июле — в пионерский лагерь. Наши барышни выступили одним ревущим фронтом, категорически отказываясь расставаться хоть на день.

— Я без Зиночки пропаду-у-у! — рыдала Риточка, хватаясь за подругу.

Факт, между прочим, неоспоримый — пропадет! Постоянное присутствие Зинули рядом в разы уменьшало непредвиденно-травматические происшествия для окружающих.

— Я Риточку не оставлю! — вторила Зина, пуская слезу, но более скупую.

— Та какие проблемы! — воскликнула бабушка Сима и обратилась к родителям Зиночки: — Светочка, Гена, отправим девочек у Одессу на усе лето!

— Как это? — насторожилась Светлана Николаевна.

— Поездом, — пояснила бабушка Сима. — Мы с Левочкой и девочки с нами.

— Ну, не знаю... — сильно засомневалась мама Зины. — Здесь хоть мы за ними присматриваем, сдерживаем как-то...

Это надо было так понимать, что Риточка там, в Одессе, на свободе, угробит беззащитную Зиночку окончательно.

— А куда нам еще смотреть? — удивилась Серафима Моисеевна.

— Да ви не сомневайтесь, Светочка! — присоединился к уговорам дедушка, Лев Абрамо-

вич. — Ми глаза только на них держать будем!
И хочу вам сказать: таки море, солнце, фрукты,
и таки свежие! А ви себе спокойно отдохнете
от дитя!

Ну, и уговорили ведь! В начале лета, в июне,
родителям удалось навестить дочурку, приехав
на недельку. Успокоенные увиденным, оглушенные
одесским гостеприимством, загоревшие, родители
Зиночки вернулись домой, оставшись «уполне»
довольными правильным летним оздоровлением
своего ребенка.

Казусы начались по возвращении чада в конце
августа.

Встречать Зиночку отправился папа, взявший по
такому случаю отгул на работе, мама же отпра-
ситься не смогла и при важном событии не присут-
ствовала.

Папе пришлось единолично перенести потрясение.

Начнем с того, что своего ребенка он не узнал!

Зиночка стояла на перроне, охраняя уже вынесенную
из вагона часть багажа, а чуть опоздавший к приходу
поезда папа мягко отодвинул ее с дороги и пытался
попасть в вагон сквозь выходящих из него пассажиров.

— Папа, ви куда? — услышал Геннадий Иванович
знакомый голосок.

Он обернулся — и офонарел!

Вместо малюсенькой худющей доченьки с прутиками
ножек-ручек, белокожей дюймовочки с темно-русыми,
не самыми густыми

волосиками, на него знакомыми серыми глазами-блюдцами взирала упитанная, сбитенькая такая, загорелая до шоколадного отлива девочка с выгоревшими на южном солнце волосами, приобретенными объемом и красивую шелковистость.

— Зиночка, это ты? — ошарашенно спросил папа, у него даже голос охрип от потрясения.

— Таки ви знаете: да, это ваша Зиночка! — подтвердил его предположение вышедший из вагона Лев Абрамович.

Дальше — больше!

Мама, которой все-таки удалось уйти пораньше с работы, встречала их дома горячим обедом и ошарашенным взглядом — узнать-то она дочку, конечно, узнала, но таких метаморфоз не ожидала никак!

Однако, слава богу, ребенок похорошел, сразу видно — оздоровился, поправился, так и хорошо! А то как все переживали, что худенькая совсем, и есть не заставишь! Зинулечку зацеловали, затискали родители и дубль бабушек-дедушек, пришедших на праздник приезда внученьки — соскучились ужасно!

«Скорее за стол! Пообедаем, отметим, поговорим-расспросим!»

И вот — шестеро взрослых, молча, со смешанными чувствами наблюдают, как Зинаида наворачивает вторую порцию жареной курицы с картошкой. Доев, ребенок чинно положил вилку на пустую тарелку и изрек с авторитетным видом:

— Що я вам скажу, мама, за вашу еду — таки вам надо учиться готовить!

Повисла тишина, сопровождавшая процесс осмысления взрослыми высказанного наставления, а затем раздался взрыв безудержного хохота, папа чуть со стула не упал, но был вовремя подхвачен мамой.

И как они начали смеяться этим вечером, так и продолжали еще недели две-три, выслушивая Зиночкины высказывания в этническом одесском стиле, с обращениями во множественном числе к родителям, с частым «и» вместо «ы», пока она не переучилась заново говорить на московско-русском диалекте.

В школе наблюдалась приблизительно та же картина.

Первого сентября Антонина Михайловна, увидев двух поправившихся, загоревших крепышек, улыбнулась приветливо и поинтересовалась, где девочки отдыхали.

— Так у Одессе, — ответила Рита.

После первого, вводного урока вторым шла математика. На вопрос учительницы — сколько будет тридцать шесть разделить на три, Зинаида Ковальчук, привыкшая к шумной многочисленной одесской семье, не утруждающей себя особыми политесами, громко, на весь класс, сообщила:

— Таки двенадцать! И що тут думать, я вас умоляю! — и для убедительности пожала плечиками.

Она тут же успела перехватить локоток Ритули, летящий ей в ребра, тем же не тихим голосом предупредив:

— Не делай телесных движений, Риточка!

Это была фраза, которой вся южная родня останавливала разрушительное дитяtko.

— Я только хотела тебе напомнить, Зиночка, что у Москве так не разговаривают! Ми же не на Привозе, ей-богу! — ни на децибел не тише подруги заявила Риточка.

Беседу наши барышни вели как на том самом пресловутом Привозе: мало обращая внимания на окружающих и обстановку вокруг. Антонина Михайловна прихлопнула рот ладошкой, не глядя села на стул и начала трястись в беззвучном смехе.

Одесса стала вторым родным домом для Зинули, девчонки проводили там все летние каникулы, а «паровозом» — и родители, и бабушки-дедушки Зины, ставшие одной семьей с многочисленной родней Риты.

Почему-то в тот момент, когда мужчина в темноте медленно протягивал к ней руку, она не видела и не слышала этого движения — чувствовала! Он еще не дотронулся, а она его чувствовала. И в этот крошечный момент, за миг до прикосновения, она ярко-ярко, как вспыш-

ку, вспомнила свое знакомство с Риткой, и тот, все изменивший в ее жизни вторник, и непередаваемое чувство абсолютной свободы, когда она сделала свой выбор!

Это яркое ощущение Зиночка запомнила навсегда.

И Одессу вспомнила, и как папа ее не узнал, и как она «выкала» родителям, вернее, «выкала»...

И вспомнила только потому, что сейчас во второй раз в своей жизни пережила нечто подобное — ощущение внутренней полной свободы!

И улыбнулась.

Он коснулся кончиками пальцев ее плеча, а она почувствовала это прикосновение даже через многослойную одежду.

— Вы улыбаетесь, — не спросил, утвердил он.

Он не видел — но знал.

Как и всякое иное происшествие, притягиваемое любимой подругой на голову и остальные жизненно важные части тела, а также — на движимое и недвижимое имущество Зинули, все начиналось, как водится, с благих намерений и, казалось бы, невинной просьбы.

— Зинуля, радость моя, выручай! — запричитала Ритка, стоило Зине ответить на при-

звон мобильного телефона. — У меня полный завал! Ты же сегодня выходная?

— Здравствуй, подружка моя, Рита, — спокойно ответила Зинуля. — И да, у меня сегодня выходной, заметь — законный первый полноценный за полгода, и предполагалось, он мне дан, чтобы выспаться!

— Ну, Зиночка-а-а! — с умоляющими нотками в голосе тянула Ритка.

— И что на этот раз? — вздохнув, сдалась Зинаида.

— Мне надо показать квартиру клиенту и в это же время — еще одну квартиру другим клиентам! Произошла накладка по времени.

— Так! И каким боком я отношусь к твоей риелторской деятельности? — еще не проснувшись до конца и зевая, выясняла диспозицию Зина.

— Я уговорила вторых клиентов передвинуть показ на полчаса, этого только-только хватит, чтобы доехать до них, а ты проведешь первый осмотр! Я тебе на две страницы написала инструкцию, что и как рассказывать про квартиру, все до мелочей. Я вас с клиентом запущу, в общих чертах покажу, отдам тебе ключи и умоваю! А ты его не спеша проведешь по квартире, на все вопросы ответишь — и все!

— Твое «и все!» — это неизменный выстрел стартового пистолета для забега глобальных неприятностей! — сразу же проснулась от этого «магического» словосочетания Зинуля, села на кровати и прикинула в уме несколько

вариантов возможных в такой ситуации напа-стей, имеющих реальный шанс приключиться с ней.

— Зинуль, меня же рядом не будет, я сразу убегу! Так что все обойдется!

— Охо-хо! — не поверила Зинаида. Но куда деваться! — Ладно, говори адрес, заполошная! И во сколько надо быть? Весь сон перебила, а я так настроилась выспаться, полениться!

— Зиночка, ну прости, ну форс-мажор случился!

— Форс-мажор, как тебе самой известно, — это твоя суть, плоть и кровь, жизненное кредо, и нечего на него пенять!

— Это ты ругаешься? — уточнила степень раздражения подруги Ритка.

— Это я ворчу, вылезая из кровати. Не морочь меня! Мне бы собраться и сообразить, как все лучше сделать!

— Все, все! Пиши адрес, встреча в двенадцать! — продиктовав адрес и объяснив, как лучше добраться, Ритуля временно попрощалась:

— Целую-расцеловываю, спасительница ты моя!

— А это мое жизненное кредо — «спасительница», — вздохнула скорбно Зинуля.

Она решила — ну его на фиг, не поедет она на машине! Накрутишься по центру, да еще пока приткнешь где-нибудь свое автотранспортное средство в узких дворах — не меньше получаса потеряешь. А ходить полезно. К тому же, посмотрев карту в компьютере, она выяс-